

Из-за инцидента с Чжуан Синьюнь Цзян Чжаосюэ остро ощутила, что атмосфера в клане Цэнь куда более зыбкая и опасная, чем она предполагала. Оставаясь в усадьбе Бэйшань, она вела себя всё осмотрительнее, проявляя исключительную осторожность и скромность, чтобы не дать ни единого повода для придинок.

Тётя Цэнь Лубай внешне казалась радушной, но на деле держалась отчуждённо. Она понимала это и знала: поручая ей какие-либо дела, тётя намеренно оставляла слепые зоны и ловушки, ожидая, что Цзян Чжаосюэ сама их обнаружит и осознает.

К счастью, Цэнь Яо действительно, как и обещала Цэнь Лубай, взяла отпуск и осталась в усадьбе, чтобы помогать ей, не давая оказаться в полной изоляции.

В те несколько дней, что Цзян Чжаосюэ провела в клане Цэнь, помимо помощи тёте Цэнь Лубай в обсуждении планов, выборе подарков и текущих делах, большую часть времени она проводила в кабинете Цэнь Хаоши — пила чай, играла в шахматы и вела беседы о книгах и истории.

По совету Цэнь Лубай, она не пыталась притворяться или изображать что-то особенное перед Цэнь Хаоши, а вела себя искренне. Поэтому в присутствии деда Цзян Чжаосюэ чувствовала себя даже спокойнее, чем рядом с тётей или матерью. Цэнь Лубай каждый вечер возвращалась домой, и если удавалось приехать раньше, пока Цзян Чжаосюэ ещё была у Цэнь Хаоши, она заходила посидеть вместе с ними, выпить пару чашек чая и поболтать.

Цзян Чжаосюэ видела, что Цэнь Хаоши высоко ценит Цэнь Лубай, а та, в свою очередь, проявляет к нему искреннее уважение и почтительность. На людях они выглядели как идеальный пример любящего деда и послушной внучки.

Конечно, когда дело касалось Цэнь Тина, всё становилось иначе — дед был явно предвзят, и это отношение распространялось на обоих.

Цзян Чжаосюэ слышала, как Цэнь Хаоши по очереди задавал Цэнь Лубай и Цэнь Тину один и тот же вопрос: стоит ли Цэнь Иню оставаться в стране после Нового года.

Чжуан Синьюнь заявляла, что Цэнь Инь не может привыкнуть к жизни в стране С, и хотела забрать его обратно, чтобы он рос под присмотром деда. Она спрашивала мнение Цэнь Лубай и Цэнь Тина.

Первой отвечала Цэнь Лубай. Она на мгновение удивилась, но тут же, не задумываясь, ответила:

— Как будет лучше, так и поступите.

Она подлила чаю Цэнь Хаоши и мягким, спокойным голосом объективно проанализировала плюсы и минусы воспитания ребёнка в разных местах. Она говорила как тётя, искренне заботящаяся о племяннике, без тени скрытых умыслов.

Цэнь Хаоши, казалось, остался не до конца доволен. Он покачал головой и вздохнул:

— Вы ещё молоды и слишком мягкосердечны. Я же не могу так. Я стар, а в моих глазах соринки не удержатся.

Это прозвучало и как заявление, и как предостережение — он ясно дал понять, что не позволит Цэнь Иню остаться в клане.

Но день спустя, задав тот же вопрос Цэнь Тину, он получил совсем иной ответ.

Если вдуматься, это было довольно тонко. Цзян Чжаосюэ всё поняла, но не стремилась копаться в этом глубже. Иногда, вспоминая слова Цэнь Лубай о Чжуан Синьюнь, сказанные в машине, она инстинктивно испытывала любопытство, но тут же разумно себя одёргивала. В этом не было нужды. Она — лишь гостья в доме Цэнь Лубай, и её задача — безупречно сыграть свою роль.

Двадцать девятого числа последнего месяца года все близкие родственники клана Цэнь были приглашены в усадьбу Бэйшань. С приездом семей усадьба, до того казавшаяся пустынной, вмиг оживилась.

Цзян Чжаосюэ заранее подготовилась, повторив всю информацию, которую дала ей Цэнь Лубай. Всех родственников, с которыми она виделась лишь мельком в прошлый год, включая их детей, она узнавала в лицо и знала по именам. Поэтому её приветствия, ласковые жесты — потрепать ребёнка по голове или невзначай заметить, как тот подросток — вызвали у всех ответную теплоту. К тому же, она ко всем относилась одинаково, с неизменной мягкой улыбкой, и вскоре все прониклись к ней симпатией. Дети тянулись к ней, а тётушки наперебой хвалили её перед Цэнь Хаоши.

Цэнь Яо была восхищена тем, как легко Цзян Чжаосюэ находит общий язык со старшими. Втайне она показала ей большой палец, а во время обеденного перерыва, когда они уединились в комнате Цэнь Лубай, воодушевлённо позвонила сестре.

— Сестрёнка, ты не представляешь, какая невестка у нас замечательная... — начала она без обиняков.

Цзян Чжаосюэ не успела среагировать и неловко замерла, не зная, стоит ли закрывать ей рот. Ей пришлось слушать, как Цэнь Яо в красках расписывает её сегодняшние успехи, закончив фразой:

— Скажи, как мне теперь отблагодарить невестку?

Цэнь Лубай, очевидно, слышала, что ей говорят, потому что Цэнь Яо расплылась в лукавой улыбке и протянула телефон Цзян Чжаосюэ. Та смущённо и неловко приняла трубку.

— Ты действительно очень постаралась, спасибо, — голос Цэнь Лубай донёлся из динамика. — Сегодня вечером я вернусь пораньше.

Скрытый смысл был ясен: она вернётся, чтобы разделить с ней эту ношу.

Голос Цэнь Лубай, и без того мягкий, через динамик казался ещё нежнее. Цзян Чжаосюэ почувствовала, как её сердце смягчается, а на душе становится спокойно.

— Хорошо, не стоит благодарности, я не устала, — ответила она.

Они выглядели как настоящие, любящие друг друга супруги. Цэнь Яо рядом довольно улыбнулась.

Однако в тот вечер Цэнь Лубай задержалась на совещании и не успела к ужину.

После того как вся семья поужинала, от нечего делать они собрались в комнате для игр за банкетным залом. Цзян Чжаосюэ, как хозяйка дома, не могла не составить им компанию.

Она всю жизнь провела в башне из слоновой кости, погружённая в книги, и редко участвовала в подобных сборищах, поэтому в карточных играх и маджонге разбиралась слабо. Она хотела остаться в стороне, но тётушки проявили такую настойчивость, что ей пришлось сесть за стол. Цэнь Яо подбадривала её, уверяя, что пара партий — и всё получится, и даже щедро поделилась половиной своих фишек. Цзян Чжаосюэ не смогла отказать.

Играли в маджонг.

У Цзян Чжаосюэ была отличная память, и она быстро схватывала правила. Но, будучи новичком, она постоянно проигрывала, то и дело подставляя соперниц, что вызывало всеобщий смех. Цзян Чжаосюэ лишь улыбалась, кокетливо жалуясь тётушкам, чтобы те дали ей фору. Её мягкий и покладистый нрав пришёлся всем по душе.

Комната была наполнена теплом и смехом.

Неизвестно, сколько времени прошло, но она уже отыграла половину фишек, которыми поделилась Цэнь Яо. Как раз когда началась новая партия, у входа послышалось лёгкое оживление.

Цзян Чжаосюэ сидела спиной к двери, сосредоточенно изучая свои кости, как вдруг почувствовала знакомый тонкий аромат. Тут же рядом раздался приятный голос Цэнь Лубай:

— Тётя, третья тётя.

Цзян Чжаосюэ мгновенно подняла голову и встретилась взглядом с Цэнь Лубай, которая смотрела на неё сверху вниз.

В ярком свете ламп казалось, что от неё всё ещё веет уличным холодом, но в тёмных глазах плескалась мягкая улыбка. Она естественно положила руку на плечо Цзян Чжаосюэ и тихо проговорила:

— Вернулась поздно.

Цзян Чжаосюэ улыбнулась в ответ и покачала головой, показывая, что всё в порядке.

— Если бы Лубай вернулась ещё позже, Цзян бы уже расплакалась от обиды, — подшутила тётушка.

Цзян Чжаосюэ внезапно залилась краской. Всё её недавнее кокетство куда-то улетучилось.

— Правда? — голос Цэнь Лубай стал ещё теплее.

Она взъерошила волосы Цзян Чжаосюэ, наклонилась к самому её лицу, словно изучая карты в её руках. Несколько прядей волос упали на шею Цзян Чжаосюэ. Та прикусила губу, услышав тихий смешок Цэнь Лубай:

— Ничего страшного, все сегодняшние проигрыши — за мой счёт. Главное, чтобы тебе было весело.

Цэнь Яо не упустила случая подколоть:

— Ой, невестка, посмотри на свои карты, там же полный разгром.

Тётушки рассмеялись:

— Цзян, ну надо же! Ох, как Лубай балует жену, просто диву даёшься.

Цзян Чжаосюэ чувствовала, как жар приливает к лицу. Она взглянула на Цэнь Лубай, тут же отвела глаза и, опустив голову, не знала, смеяться или смущаться.

Неужели всё настолько плохо?

Но, как ни странно, настроение было вовсе не плохим. Усталость от целого дня вынужденного общения словно растворилась в этих шутках.

*

В канун Нового года Цэнь Лубай наконец позволила себе отдохнуть и не поехала в компанию.

Это был редкий шанс выспаться вместе с Цзян Чжаосюэ. Они мирно спали, когда ранним утром, едва забрезжил свет и усадьба Бэйшань ещё погружалась в тишину, где-то вдалеке внезапно раздалась хлопки петард, пронзившие покой и резко ударившие по ушам Цэнь Лубай.

У Цэнь Лубай был чуткий сон, и даже плотные шторы не спасли её от пробуждения.

В комнате царил полумрак, создаваемый тяжёлыми портьерами. Цзян Чжаосюэ, спавшая на другом краю кровати, даже не шелохнулась.

Цэнь Лубай слегка расслабила брови, но тут прогремел второй залп.

Она нахмурилась.

Сев на кровати, она накинула халат, бесшумно встала и вышла на террасу.

Снаружи веяло утренней прохладой, небо было затянуто серой дымкой, всё вокруг казалось застывшим, за исключением двух мальчиков лет двух, бегавших у цветочной клумбы внизу.

Цэнь Лубай узнала одного из них — это был Цэнь Инь, другой же был внуком управляющего усадьбой.

Она не знала, что произошло, но Цэнь Инь попытался отобрать у другого мальчика игрушку. Тот не хотел отдавать, но и дать сдачи не осмелился. Цэнь Инь сбил его с ног, и малыш заплакал.

Цэнь Инь сел на него сверху, отнял игрушку и, торжествуя, крикнул:

— Раз я сказал — отдай, значит, отдай! Ты живёшь в моём доме, значит, должен слушаться!

Сказав это, он открыл коробку, которую отнял, и с силой швырнул её прочь. В этот момент снова раздался оглушительный взрыв петарды, смешавшийся с жалким плачем упавшего мальчика.

Цэнь Лубай холодно смотрела на это сверху.

Она не опускалась до того, чтобы сводить счёты с ребёнком, и не собиралась, как предлагала Цэнь Яо, подсылать людей, чтобы испортить ему жизнь в стране С. Он сам себе вырыл могилу своими поступками — на ошибках учатся, но лишь те, кто способен осознать их последствия.

Цэнь Лубай равнодушно отвернулась и вернулась в комнату.

То ли от звука петард, то ли от того, что она открыла дверь террасы, Цзян Чжаосюэ, казалось, была потревожена. Она нахмурилась, приоткрыла глаза и пробормотала:

— Лубай?

Она была в полудрёме. Похоже, после стольких дней игры в супругов она уже привыкла называть её по имени.

Холод в глазах Цэнь Лубай мгновенно растаял. Она трогательно улыбнулась, забралась под одеяло и прошептала:

— Ещё рано, поспи ещё.

Цзян Чжаосюэ увидела, что в комнате темно, решила, что действительно ещё рань, и снова провалилась в сон.

Без капли сомнения.

Она может спокойно спать рядом с ней. В глазах Цэнь Лубай промелькнула нежность. Она хотела погладить её по мягким волосам, но замерла на полпути и в итоге сжала пальцы в кулак.

Вглядываясь в неё, она прикрыла глаза, улыбнулась, убрала руку и взяла с тумбочки телефон, чтобы отправить сообщение с приказом немедленно увести детей.

<http://bllate.org/book/18697/1807088>